

ХАРЬКОВЪ.

ПРИБАВЛЕНИЯ КЪ ХАРЬКОВСКИМЪ ГУБЕРНСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

(Выходять по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ).

(ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Подписная цѣна на Прибавления:
Безъ доставки и Съ доставкою
пересылки, и пересылкою.
За годъ 2 р. 2р. 50 к. с.
—полгода 4р. 25 к. 1р. 60 к. с.

На Губернскія Вѣдомости:
Безъ переплета . . . 3 р. сер.
Въ переплѣтѣ . . . 3 р. 85 к.

За доставку на дому или пе-
ресылку по почтѣвѣ годъ 50 к.

№

42.

СРЕДА

2-е Мая.

1862.

Подписавшіяся на оба изданія
платить за пересылку или до-
ставку только 50 коп. сереб.
Подписка принимается въ Кон-
торѣ Редакціи, въ нижнемъ эта-
жѣ дома Губернскихъ Присут-
ственныхъ мѣстъ.
Частныя объявленія принима-
ются за букву и цифру по $\frac{1}{4}$,
коп. сер. за каждый разъ.

Статьи для напечатанія и вообще всякаго рода свѣдѣнія просятъ присыпать на имя Редактора.

СОДЕРЖАНИЕ: По крестьянскому дѣлу.—Литературная новость.—Послѣдніе изъ Могиканъ.—Второй и прощальный концертъ гг. Алтапи.—Благодарность г. Полякову.—Частныя объявленія.—

ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДѢЛУ.

Извлеченіе изъ журналовъ харьковскаго по кре-
стьянскимъ дѣламъ присутствія.

О жалованыи должностнымъ лицамъ
и о книгахъ въ волостныхъ правлені-
яхъ.—При отношеніи отъ 19 минувшаго февраля за
№ 12, предѣдатель волчанскааго мироваго съѣзда
представилъ на разрѣшеніе присутствія, между про-
нимъ, копію съ постановленія съѣзда 15 февраля,
такого содержанія:

«Журналъ 4 января 1862 года за № 3, ст.
4, губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе,
по представлению харьковскаго мироваго съѣзда, и
не усматривая въ Высочайше утвержденномъ 19
февраля 1861 года положеніи о крестьянахъ яснаго
указанія по предмету жалованья сельскимъ старо-
стамъ и волостнымъ старшинамъ, проситъ разрѣ-
шенія г. министра внутреннихъ дѣлъ о дозвolenіи
назначить норму этого жалованья. Мировой съѣздъ,

имѣя въ виду ст. 123 общ. полож., гдѣ назначе-
ніе жалованья, или иного вознагражденія, служа-
щимъ по выбору, предоставлено непосредственному
усмотрѣнію общинъ, и считая вреднымъ отнимать
права, Высочайше дарованныя крестьянамъ, въ
особенности тѣ права, которыя имѣютъ вліяніе на
самоуправленіе, долгомъ считаетъ довести о своемъ
мнѣніи до свѣдѣнія присутствія и предупредить, что
ежели обѣ обязательномъ жалованьи разрѣшеніе по-
лѣдуетъ, то крестьяне, ясно понимающіе свои пра-
ва, будутъ сильно противодѣйствовать этой мѣрѣ, и
ежели и исполнить ее, то не иначе, какъ послѣ
строгихъ наказаній, тѣмъ болѣе, что жалованье во
всѣхъ почти волостяхъ назначено уже самими кре-
стьянами по собственному ихъ сознанію въ необхо-
димости такового.

«Въ этомъ же журналѣ и въ этой же статьѣ,
губернское присутствіе, утвердивъ форму книгъ для
волостныхъ правленій, требуетъ немедленнаго ихъ
введенія. Мировой съѣздъ, не получивъ еще этихъ
формъ, тоже считаетъ долгомъ уведомить присут-

ствіе, что въ волчанскомъ уѣздѣ по всѣмъ волостямъ заведены книги, назначенные положеніемъ, что онѣ ведутся въ порядкѣ и по формѣ, которая признается каждою волостью для себя болѣе удобною, т. е. дѣйствуютъ по положенію, которое не стѣсняетъ вновь учрежденныя мѣста никакими формами».

Цервяя часть постановленія волчанского мироваго съѣзда—о жалованы должностнымъ лицамъ имѣть характеръ критики на опредѣленіе губернскаго присутствія, безъ всякой цѣли и разсчета на какой-либо положительный результатъ, ибо присутствіе, сдѣлавъ представленіе г. министру внутреннихъ дѣлъ, ни въ какомъ случаѣ не могло воспользоваться предостереженіями и указаціями мироваго съѣзда. Увлекаясь критическімъ настроеніемъ, мировой съѣздъ упустилъ изъ виду, что предположеніе присутствія о назначеніи нормы жалованья касалось тѣхъ обществъ и волостей, которымъ отказываются вовсе отъ назначенія онаго должностнымъ лицамъ, и что на волчанскій уѣздъ, въ которомъ, какъ сказано въ постановленіи 15 февраля, почти во всѣхъ волостяхъ опредѣлено жалованье, предположеніе это не распространялось. Такимъ образомъ волчанскій мировой съѣздъ, изъ непонятнаго желанія сдѣлать возраженіе на опредѣленіе присутствія, распространилъ свою заботливость не только за предѣлы предметовъ вѣдомства, указанныхъ въ ст. 105—110 полож. обѣ учрежден. по крестьянск. дѣламъ, но даже за предѣлы волчанскаго уѣзда.

Определено: хотя въ настоящее время вопросъ обѣ установлениіи обязательнаго жалованья для волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ разрѣшень г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, котораго отзывъ по этому предмету изложенъ въ 1-й ст. журнала присутствія № 12, тѣмъ не менѣе губернское присутствіе, признавая постановленіе волчанскаго мироваго съѣзда неумѣстнымъ и увеличивающимъ безъ всякой пользы переписку, считаетъ нужнымъ просить мировой съѣздъ: во 1-хъ, въ заѣданіяхъ своихъ подвергать обсужденію предметы, подлежащіе разсмотрѣнію съѣзда, и во 2-хъ, не предрѣшать вопросовъ, представленныхъ на разрѣшеніе вышшаго начальства, и вообще избѣгать ненужной переписки, что касается формъ книгъ для волостныхъ прав-

лений, то, основываясь на удостовѣреніи мироваго съѣзда, что таковыя ведутся въ порядкѣ, присутствіе находить возможнымъ, для устраненія затрудненій въ перемѣнѣ ихъ, оставить въ волостяхъ волчанскаго уѣзда существующія уже книги, съ тѣмъ, чтобы онѣ были заведены по изданной формѣ съ 1 января будущаго 1863 года. Къ этому присутствіе считаетъ неизлишнимъ присовокупить, что означенныя формы изданы на основаніи 1 п. 129 ст. полож. о губ. и уѣзди. учр., которою губернскому присутствію предоставляется установлѣніе всѣхъ подробностей, относящихся до приведенія въ дѣйствіе положеній, и что въ семъ случаѣ цѣль присутствія—не нарушить дарованное крестьянамъ самоуправление, а облегчить ихъ въ дѣлѣ для нихъ новомъ и, по недостатку грамотности, затруднительному.

ЛИТЕРАТУРНАЯ НОВОСТЬ.

(№№ 1-й и 2-й журнала «Время», изд. М. Достоевскаго, за 1862 г.).

Въ № 34 Прибавленій за н. г. мы сообщили читателямъ отзывъ «Одесскаго Вѣстника» о повѣстіи г. Скавронскаго (псевдонимъ одного изъ извѣстныхъ нашихъ писателей) «Бѣлые въ Новороссії», которой окончаніе явилось во 2-й книжкѣ «Времени». Въ переданномъ нами отзывѣ разсказано содержаніе первой части этого весьма замѣчательнаго произведенія, обратившаго на себя общее вниманіе столичныхъ литературныхъ кружковъ, теперь мы заимствуемъ оттуда же краткую исторію главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Герой романа, полковникъ Панчуковскій, основавший свою блестящую Новую Диканьку среди степей, какъ оказывается изъ рассказа, сценулировалъ на 150,000-чный капиталъ своей жены, урожденной Перепелицыной, изъ Моршанска. Онъ женился на ней безъ всякаго участія сердца, а единственно ради капитала, ради котораго, при

всѣхъ своихъ гвардейскихъ стремленихъ, онъ не побрезгалъ и выбрать себѣ жену изъ купеческаго званія. Затѣмъ пошли—разлука съ женой, мотовство въ Петербургѣ на ея счетъ, подъ предлогомъ составленія карьеры, и, когда средства Панчуковскаго истощились—нѣжное свиданіе съ супругой, у которой полковникъ выманилъ деньги, что-бы затѣмъ бросить ее и основаться въ приморской станицѣ пышнымъ, почти феодальнымъ бариномъ. Главный мотивъ его жизни—разбогатѣть спекуляціями, и, во время процесса наживанія, удовлетворять всѣмъ своимъ страсти, безъ всякаго стыдненія. Окружающее его сосѣдство помѣщиковъ и помѣщицъ преклонилось предъ аристократическимъ деспотизмомъ бывшаго столичнаго гвардейца: полковникъ давалъ тонъ обществу, разговорамъ, понятіямъ, служилъ предметомъ удивленія и обожанія для дамъ и девицъ, слылъ умѣйшимъ, утонченѣйшимъ джентльменомъ и образцовымъ хозяиномъ. И безъ того сотканныя вся изъ необузданного произвола, натура его теперь развернулась окончательно: къ тому-же вокругъ него былъ все бѣдный, бѣглый народъ, который, по самому положению своему, находился въ его рукахъ. Этими бѣглыми Панчуковскій помыкалъ еще хуже, чѣмъ крѣпостными: сѣкъ ихъ нещадно, не выдавалъ обѣщаннаго жалованья, словомъ, дѣлалъ все, что хотѣлъ. Сдѣлавшись полнымъ царькомъ въ своей мѣстности, полковникъ (какъ мы уже видѣли) похитилъ наконецъ и сироту воспитанницу сосѣдскаго священника Оксану, которая была уже невѣстою бѣглого Левенчука. Съ ней онъ жилъ довольно мирно, послѣ сцены возмущенія и аттаки его степнаго дворца разъяренными толпами рабочихъ, вступившихся за избитаго Левенчука. Между тѣмъ въ его домъ втерся слугой проныра—Милороденко, котораго давно уже полиція искала за дѣланіе фальшивыхъ паспортовъ, ассигнацій, и за множество уголовныхъ преступлений. Скрывъ свое имя и похожденія, Милороденко является самымъ усерднымъ слугою полковнику, и, при видимой набожности, втирается въ полную довѣренность своего барина. Однажды, Панчуковскій вздумалъ ночью обозрѣть дозоромъ свое хозяйство и наткнулся на Левенчука, скрывавшагося отъ преслѣдований полиціи то въ гирлахъ, то у неводчиковъ. Левенчукъ вы-

стрѣлилъ въ своего соперника, но даль промахъ. Дворовые люди поймали его, и, по приказанію полковника, избили до полусмерти, а потомъ связанныго бросили въ сарай съ тѣмъ, что-бы представить на другой день въ полицію. Пріятель Левенчука, Милороденко, воспользовался этою ночью, что-бы освободить связанныго и привести въ дѣйствіе давнишніе свои планы: вдвоемъ, пользуясь темнотою и сномъ дворни, они перевезали всѣхъ людей, взошли въ кабинетъ полковника, взяли у него всѣ деньги, связали его, освободили Оксану, и на тройкѣ, въ фаэтонѣ полковника, уѣхали съ быстротою молнии въ степь. Вѣсть объ этомъ грабежѣ и освобожденіи Оксаны разнеслась по всему околотку: полиція приняла энергическія мѣры къ отысканию виповныхъ. Они однакожъ счастливо добрались до моря, при чёмъ Милороденко взялъ себѣ все похищенное золото и серебро, а Левенчукъ съ Оксаною отказались отъ всякаго участія въ дѣлѣ награбленнаго, и рѣшили—во чѣмъ то ни стало пробраться къ отцу Павладію, для того, что-бы онъ ихъ обвѣчалъ. Но въ то самое время, какъ они прѣѣхали, подъ кулями и мѣшками въ Святодуховку, къ отцу Павладію,—палетѣль исправникъ съ толпою понятыхъ и сосѣдніе помѣщики, и стали дѣлать—новальный обыскъ. Въ прилегающемъ байракѣ нашли—Милороденко, Левенчука и Оксану. Ихъ всѣхъ перевезли въ городской острогъ, где пошли допросы о томъ: куда они дѣли капиталъ Панчуковскаго? Но изъ капитала взята была только звонкая монета, а билеты, составлявшіе главную массу денегъ, были сирятаны вмѣстѣ съ чемоданомъ въ одномъ стогѣ сена близъ моря. Искусный Милороденко между тѣмъ тянулъ дѣло такъ, что отъ нихъ не могли добиться никакого извѣстія о судьбѣ похищенныхъ денегъ, въ чѣмъ заключенные упорно отказывались, хотя въ другихъ преступленіяхъ Милороденко и сознался. Полковникъ, по этому дѣлу, отъ котораго зависѣло все его состояніе, переселился въ городъ. Тамъ-же, одновременно, подняла противъ него процессъ его жена, нарочно прѣѣхавшая для того изъ своихъ мѣстъ. Но пока происходили судебнаго разбирательства и проволочки, заключенные успѣли подрыться въ острогѣ и уѣхжать. Вѣсть эта, какъ громомъ, поразила полковника; по горячимъ следамъ, вмѣстѣ

сь исправникомъ Подкованцевымъ, они въ костюмахъ мужиковъ, съ жандармомъ, отправились въ ту же ночь къ Донскимъ гирламъ, куда направились бѣжавшіе, по указанію лазутчиковъ. Тутъ слѣдуетъ превосходное описание картины Донского разлива среди камышей, островковъ и холмиковъ, въ главѣ: «Въ гирлахъ и плавняхъ на Дону». Мы мало встрѣчали въ русской литературѣ подобныхъ яркихъ, художественныхъ картинъ, и впечатлѣніе читателя еще усиливается тѣмъ, что въ этой картинѣ сосредоточивается и весь интересъ положенія героеvъ романа: тутъ окончательно разрѣзается узелъ долгихъ, энергическихъ похожденій нашихъ бѣглыхъ, считая въ томъ числѣ и полковника. При едва занимавшейся зарѣ, преслѣдующіе увидѣли наконецъ шумѣвшую и пѣняющуюся поверхность гирль, и вдали лодку съ нашими бѣглецами, подплывавшую къ дымящемуся албанскому пароходу, который перевозилъ татаръ и ногайцевъ. Пущены выстрѣлы, но безъ успѣха. Исправникъ сѣлъ въ лодку, и когда течениемъ стало прибивать къ нему дубъ съ бѣглецами, то съ послѣдняго раздался выстрѣлъ, которымъ исправникъ убить на повалъ. Такъ кончилась свою достославную жизнь бывший морякъ, кутила и bon vivant Подкованцевъ, то покровительствовавший бѣглымъ, то дравший съ нихъ больши взятки, то каравшій ихъ по закону и толпами представлявший ихъ въ остроги, когда того требовали крайности его службы и угрозы обѣ отставкѣ и судѣ. Бѣглые въ тотъ-же день ушли на пароходѣ, который хотя и свидѣтельствовалъ на высотѣ Керчи, но уже не нашли тамъ нашихъ знакомцевъ: они исчезли, Богъ вѣсть куда,—можетъ быть въ Турцию, Молдавию, Анатолію, на Кавказъ.... Между тѣмъ деньги Панчукаевскаго были найдены въ стогѣ сѣна и представлены рабочимъ отцу Павладію, который препроводилъ ихъ къ начальству, въ городъ. Здѣсь деньги были задержаны до окончанія процесса между мужемъ и женою. Полковникъ, уже теравшій надежды на прежнее благосостояніе, рѣшился примириться съ женою: но было поздно. Она ужъ успѣла добиться разводной, и въ тоже время сошлась съ молодымъ Михайловымъ, бывшимъ студентомъ и даровитымъ человѣкомъ. Въ этомъ положеніи дѣла, неожиданная рука положила конецъ существованію

полковника: его убили изъ-за угла, на одной ярмаркѣ, бывшій его крѣпостной, бѣглый Козырь, приходившійся Оксанѣ братомъ.... Новая Диканька и всѣ богатства его теперь безспорно перешли къ долгострадавшей, угнетенной Перепелицыной, бывшей его женою, и уже давшой слово выйти замужъ за Михайлова.

Такъ кончился длинный рядъ похожденій бѣглыхъ въ Новороссіи. Мы не имѣмъ мѣста входить здѣсь въ подробный разборъ повѣсти г. Скавронскаго (псевдонимъ одного изъ извѣстныхъ нашихъ писателей), но смѣло заявляемъ мнѣніе, что этою повѣстю онъ по праву становится въ разрядъ лучшихъ именъ нашей беллетристики. Въ «Бѣглыхъ въ Новороссіи» находятся слишкомъ крупные достоинства для того, чтобы оправдать такое мнѣніе: при всемъ разнообразіи и жизненности типовъ, тамъ схвачена цѣлая сторона русской жизни и русской природы, до сихъ поръ не разработанная въ литературѣ; свѣжестью и новизною вѣтъ отъ каждой почти строки этого романа. Событій въ немъ, дѣйствій, мѣстныхъ красокъ, удачныхъ описацій, знанія края—столько, сколько нужно для того, чтобы произведеніе отличалось образностью, внутреннею силою и новизною. Мы особенно цѣнимъ свѣжесть выставленныхъ г. Скавронскимъ типовъ, къ которымъ можно причислить почти всѣхъ его дѣйствующихъ лицъ, и логичность событій, вытекающихъ прямо изъ характеровъ. Но нашъ отзывъ не исключаетъ и слабыхъ сторонъ въ произведеніи г. Скавронскаго: онъ неизбѣжны почти во всякомъ литературномъ созданіи; мы предоставляемъ ознакомиться съ ними самому читателю....

ПОСЛѢДНІЕ ИЗЪ МОГИКАНЪ.

II.

Котъ и мыши.

Случалось ли вамъ когда-нибудь видѣть грустную картину, породившую пословицу: «Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки»? Жирный Васька, наѣвшись до отвала хозяйстваго кушанья, для собствен-

наго увеселенія, способствующаго, какъ известно, процессу пищеваренія, ловить бѣднаго мышенка. Принеши въ зубахъ на средину комнаты, онъ выпускаетъ его, ложится и притворяется спящимъ. Мышенокъ оглядывается сперва робко, потомъ носмѣлѣе,—ему кажется, что уже близка свобода, маленькия ножки его проворно двигаются, какихъ-нибудь пять вершковъ остается до спасительной половой щели... и вдругъ онъ опять въ лапахъ Василия Ивановича! Бѣдный мышенокъ! Впрочемъ, ловля мышей для Васильи—служебная обязанность, и потому поступки его не подлежатъ осужденію. Конечно, можно было и не играть, но что-же дѣлать—такая у *Васильки* натура.

Кошачы увеселенія невольно напомнили мнѣ продѣлки моего доброго приятеля Александра Львовича *Мордокотова*, котораго еще въ полку называли котомъ всѣ товарищи. Сходство дѣйствительно было поразительное: вся разница состояла только въ томъ, что Александръ Львовичъ ловилъ мышей и тѣшился ими изъ любви къ искусству....

Первый мышенокъ, которымъ увеселялся Мордокотовъ, былъ жалкій французъ, упражнявшийся когда-то въ обученіи благороднаго россійскаго юношества. Французъ придерживался чарочки и доставлялъ для *Александра Львовича* неисчерпаемый источникъ наслаждений. Трудно пересчитать всѣ пошлины продѣлки Александра Львовича съ жалкимъ старикомъ. Обливанье холодной водой, щелчки, толчки и даже пощечины были дѣломъ обыкновеннымъ; но самая забавная штука состояла въ слѣдующемъ: француза выводили изъ терпѣнія, и онъ съ ожесточениемъ бросался на кого-нибудь изъ гг. зрителей; тогда его схватывали, отводили на конюшню и сѣкли розгами, конечно полегольку. Одинъ разъ Александръ Львовичъ развеселился до того, что, раздѣвши француза, онъ оставилъ на немъ одни только сапоги, и въ этомъ нарядѣ выпустилъ его на главную улицу губернскаго города *Мордасова!*.. Жалкій стариkъ, не имѣвший ни крова, ни пристанища, въ тѣ рѣдкія минуты, когда ему позволяли оставаться трезвымъ, вполнѣ сознавалъ свое горькое положеніе и плакаль, какъ ребёнокъ.... «*Ню Александръ, я это понимаю, полно, я не собакъ*», говорилъ онъ тогда разбитымъ голосомъ.... Въ послѣдствіи положеніе француза улучшилось:

онъ изъ ежедневныхъ шутовъ былъ произведенъ въ праздничные, т. е. Мордокотовъ и К° потѣшились надъ старикомъ только въ торжественныхъ службахъ, именно во время прѣѣзда значительныхъ и влиятельныхъ особъ. Эти дни всегда означались парадными спектаклями, на которыхъ дозволялось всѣ непозволительное, такъ что даже одинъ господинъ съ пухленькими руками удостоивъ просвѣщеніемъ вниманіемъ и благосклонною улыбкою *невинныхъ* сельскія потѣхи Александра Львовича.

Сдѣлавшись амфитріономъ, Мордокотовъ выбралъ себѣ двухъ шутовъ изъ своего сословія; одинъ изъ нихъ—знаменитый и известный во всѣхъ мордасовскихъ трактирахъ г. Ходи-Хата, другой иѣтко Гупироўскій, личность скрѣя жалкая, чѣмъ смѣшна. При выборѣ этихъ шутовъ, Александръ Львовичъ, какъ видно, руководствовался преданіями глубокой древности,—ему хотѣлось имѣть доморощеныхъ *Демокрита* и *Гераклита*, и онъ завѣль ихъ. *Демокритъ*, онъ-же Ходи-Хата, хохочеть самымъ ярымъ раскатистымъ смѣхомъ съ утра до вечера; *Гераклитъ*, онъ-же Гупироўскій, хнычетъ и плачетъ съ вечера до утра. Демокритъ когда-то служилъ въ военной службѣ, съ которой разстался послѣ одной изъ тѣхъ исторій, которая называются *неприятными*, и вступилъ въ сословіе мирныхъ гражданъ. Гражданскія доблести г. Ходи-Хата состоять въ слѣдующемъ:

1) Пляшетъ по-руссски и по-цыгански, и исполняетъ съ неподражаемымъ совершенствомъ характерные танцы: *бычка*, *казачка* и *комаринскую*; 2) играетъ на гитарѣ и балалайкѣ; 3) поетъ многія пристойныя и всѣ безъ исключенія непристойныя пѣсни; 4) декламируетъ стихотворенія, неудобныя для печати и для чтенія въ дамскомъ обществѣ, и 5) отлично править тройкой. Полное проявленіе всѣхъ доблестей высказывается при исполненіи имъ извѣстнаго романса: «*Барыня, сударыня барыня*».... Въ этотъ моментъ Ходи-Хата дѣлается истиннымъ художникомъ: въ одно и тоже время онъ поетъ, приговариваетъ, пляшетъ, играетъ на гитарѣ и откалываетъ такія штуки, что цыгане—специалисты сохнуть отъ зависти... Одинъ разъ, на вечерѣ съ цыганами, г. Ходи-Хата до того увлекся, что схватилъ съ тарѣлки деньги,

собранныя цыганами за п'ине, и взялъ ихъ себѣ. Часто, въ минуты самого разгара, ему случалось за непрошенній поцалуй получать отъ цыганки пощечину, но, будучи не обидчиваго нрава, г. Ходи-Хата обыкновенно не обращалъ вниманія на подобные казусы, принимая ихъ за любезности.

Мордокотовъ, сознавая въ Ходи-Хата многое множество пошлыхъ и грязныхъ сторонъ, держитъ его при себѣ, беретъ на сбороища, какъ необходимое лицо, гдѣ шутъ гордо расхаживаетъ, величая себя *упѣзною маткою и ветхобольскимъ медвѣдемъ*. Въ пріятельскомъ кругу Ходи-Хата любить распространяться о своей короткости и фамиліарныхъ отношеніяхъ не только съ Мордокотовымъ, но и съ пухленькимъ господиномъ, и называетъ ихъ неизначе какъ *саишками*,—разумѣется за-глаза. Однажды, послѣ знаменитой вышилки Ходи-Хата, Александръ Львовичъ, обращаясь къ своему знакомому Василию Марковичу *Оленику*, сказалъ: «молодецъ, на всѣ руки молодецъ, а вѣдь шельма! Вообразите, какую одинъ разъ онъ выкинуль штуку: расчувствовалъ передъ однимъ бариномъ, хлонъ передъ нимъ на колѣни: *позвольте, говоритьъ, ручку поцаловать*;—цашъ его за руку, поцаловалъ и стащилъ бриллантовый перстень, да такъ, что тотъ и не замѣтилъ!...

—Да какъ-же это,—вы-же съ нимъ такъ хороши?—отвѣчалъ Василий Марковичъ.

—«А что-же, вѣдь это онъ дѣжалъ прежде, а теперь ничего, теперь онъ славный малый....»

—Я слышалъ объ какой-то подчинѣцѣ плана, какая-то тамъ сто десятинъ прирѣзать хотѣлъ себѣ.... что-то въ этомъ родѣ?—

—«Это пустяки, вздоръ, выдумка; мы его снять утвердили на прѣжней должности... Мягкий малый,—съ нимъ что хочешь; раземѣшишь хоть мертваго.» Относительно г. Ходи-Хата можно замѣтить, что онъ уклонился отъ своего настоящаго призванія. Судьба его готовила въ фокусники, а онъ сдѣлялся владѣтельнымъ гражданиномъ. Кромѣ исторіи съ перстнемъ, о которой сказано выше, г. Ходи-Хата умѣеть прятать часы и деньги въ булки такъ, что отъ этакой работы, по ея чистотѣ и ловкости, не отказался бы и знаменитый *Боско*.... Да, судьба выкидываетъ иногда страннѣя штуки!.... Гераклъ—Гушировскій услаждаетъ часы отдохновенія Мордо-

котова совершенно иначе: ему, напримѣръ, выкраять бѣлу голову красной краской, а вмѣсто духовъ игривый амфитріонъ набираетъ въ трубочку нечистую жидкость и обдастъ ею лицо бѣднаго старика; угощаетъ его гастрономическими завтраками и обѣдами съ примѣсью сильнаго рвотнаго.... Не правда-ли, какъ это смѣшно?....

«Александръ Львовичъ, позвольте мнѣ домой!» говорить Гушировскій, испытавши послѣдствія угоженія.

—Ахъ, Боже мой, вы больны! до свиданія. Какъ жаль, что вы уѣзжаете!» отвѣчаетъ Мордокотовъ, подмигнувши кому-нибудь изъ своей отлично-наметанной прислуги....

Дрожки подали, Гушировскій садится, ёдетъ. Мордокотовъ и к^о стоять на крыльцѣ въ ожиданіи потѣхи, которая обыкновенно состоить въ томъ, что съ осей предварительно снимаются гайки, колеса, разумѣется, соскакиваютъ, дрожки на бокъ.... испуганный крикъ и стоны Гушировскаго встрѣчаются дружнымъ хохотомъ.... Въ видахъ вознагражденія за понесенные увѣчья и ушибы, Гушировскій назначается нопечителемъ туда, гдѣ амфитріонъ хочетъ распоряжаться, какъ дома. Теперь за Гушировскимъ считается уже шесть нопечительствъ и, вѣроятно, скоро будетъ больше.

Кромѣ потѣхъ, Мордокотовъ умѣеть однако извлечь и изъкоторую пользу изъ своихъ шутовъ. Узнавши однажды, что его сестра Панцоффевъ, умирая, оставилъ своей ключницѣ вексель на какую-то сумму,—а земли ихъ были смежны,—амфитріонъ побѣхъ, въ сопровожденіи Гушировскаго, парадно, въ каретѣ, съ визитомъ къ ключницѣ и общими силами уговорили ее не уступать векселя наследникамъ, а продать его за безцѣночкъ Мордокотову.... Несчастныи сироты остаются безъ куска хлѣба, а состояніе отца ихъ скоро перейдетъ въ кошти добрѣшаго Александра Львовича!

Къ числу постоянныхъ спутниковъ и наперстниковъ Мордокотова принадлежать также гг. Штенглунгеръ и Струносовъ. Штенглунгеръ имѣеть много общаго съ волкомъ; Струносовъ сильно смахиваетъ на шакала,—трусливое что-то, хотя и хищное. Волкъ и шакаль преданы своему владѣцѣ душою и тѣломъ, но, сколько кажется, до первой невзгоды.

Струносовъ—личность самая жалкинькая, неимѣющая никакого убѣжденія и до того заплѣснѣвшая, что мудрость Мордокотова поражаетъ его, а хорошими отношеніями съ нимъ онъ гордится до смѣшнаго. Въ минуты восторга Струносовъ вскричаетъ: «какъ онъ умѣеть играть умами людей и ихъ страстями!....» Желаетъ онъ говорить витевато и фразисто, на подобіе Мордокотова, но это ему какъ-то не удается, и вместо того, что-бы сказать: «я съ нимъ попикировалъ», онъ говоритъ: «я съ нимъ покапировалъ».

Струносовъ очень любить задать тону и порисоваться. Это рисованье у него выражается тѣмъ, что онъ начинаетъ говорить на распѣвъ и въ носъ, что слова Мордокотова, сказанныя имъ дѣлая гримасы. Слова Мордокотова, сказанныя имъ по поводу вызова, отъ которого онъ уклонился: «я не хочу быть ирушкой страсти какого-нибудь Еюра Ивановича»—не сходятъ съ языка Струносова и онъ произноситъ ихъ ломаясь, со всѣми возможными тонами и переливами въ голосѣ. Не умѣя правильно говорить по русски, онъ однако знаетъ и по французски, въ чемъ я могъ удостовѣриться, входя въ его жилье, гдѣ увидѣлъ лотокъ, наполненный мукой, на которой было выведено пальцемъ: Jean Strounosoff. Это, изволите видѣть, средство противъ домашняго воровства голодной прислуги. Говорять также, что Струносовъ сажалъ муху въ сахарницу для того, чтобы удостовѣриться, не производить-ли слуга злостнаго хищенія сахара, но это, вѣроятно, выдумка,—исторія о мухѣ и сахарнице существуетъ давно, а впрочемъ.....

Вотъ вамъ фактъ, въ которомъ Струносовъ является достойнымъ соперникомъ Плюшкина. Послѣ раздѣла съ роднымъ братомъ, кладбище осталось на землѣ Ванички, на которомъ онъ не дозволилъ склонить умершаго младенца ключницы брата. Между братцами возникъ споръ и только сестра могла примирить ихъ, разрѣшивъ хоронить на своей землѣ бесплатно.

Струносовъ иногда мечтаетъ почасть въ амфитеатрѣ, въ чемъ его поддерживаетъ даже самъ Александръ Львовичъ, наимекая при этомъ, что со временемъ исполнителемъ этой обязанности непремѣнно положить большое жалованье.

Преданность свою Мордокотову Струносовъ недав-

но доказалъ самымъ яркимъ образомъ. Александру Львовичу пришелся не по праву одинъ изъ умировиторителей, некто г. Быковъ, личность замѣчательная, какъ по своему благородству, такъ и по независимости мнѣній. Въ одномъ изъ собраній Быковъ, высказавши цѣсколько горькихъ истинъ своимъ сослуживцамъ, вышелъ оттуда. Всѣ прикусили языки, одинъ только Струносовъ подальше голосъ, впрочемъ тогда, когда Быковъ былъ уже на улицѣ: протоколь! заревѣлъ онъ басомъ, прро-тто-кколъ!! затянуль теноромъ; прро-то-колль!!! прошипалъ онъ диксантомъ. Протоколъ остался въ предположеніи, т. е. его не составляли, а жаль.....

Шингаръ.
Старобѣльскъ, 7 апрѣля 1862 г.

Второй и прощальный концертъ гг. Альтаны былъ 28-го апрѣля.—Изъ двухъ этихъ концертовъ, которыми молодые люди подарили насъ, видно, что они обладаютъ прекрасными музыкальными способностями и что должно отъ нихъ ожидать много и много хорошаго. Очень жаль, что мы ихъ больше не услышимъ и, по слуху ихъ скораго отѣзда, не въ состояніи будемъ судить объ ихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ у насъ; а изъ двухъ концертовъ трудно дать себѣ подробный отчетъ объ ихъ игрѣ. Главное, и что особенно производитъ приятное впечатлѣніе въ ихъ игрѣ—это отсутствіе всякихъ фарсовъ и противуестественности; напротивъ они обладаютъ скромностью и пріятностью игры. Для ихъ лѣтъ въ ихъ игрѣ можно найти очень много хорошаго и много обѣщающаго; видно, что время не было ими потраено даромъ,—они много и дѣльно трудились. Конечно много они обязаны хорошей методѣ, зависящей отъ учителя, но много, и чуть-ли не больше, они обязаны собственному труду. Пьяністка обладаетъ плавнотою, легкостюю и ровнотою механизма, и умѣеть владѣть мелодіею, что видно было изъ пьесы Willmers'a—Reverie au bord de la mer. Фантазія Шопена была сыграна очень тщательно и отчетливо, быстро и нѣжно, и сыграна самыми кончиками пальцевъ. Скрипачъ хорошо тоже выполнилъ свои пьесы, безъ натяну-

тости и изящной приторности пѣвучести, а очень нѣжно, въ особенности намъ понравилась у него Reverie Adagio Vieuxtemp. Какъ мы слышали, концерты, данные ими здѣсь, были даны съ благородною цѣлью—собрать себѣ средства для дальнѣйшаго обучения музыкѣ въ одной изъ заграничныхъ консерваторій. Дай Богъ имъ вполнѣ успѣха!.....

В. И. Н.

Благодарность г. магнитизеру И. С. Полякову.—Временно-обязанный крестьянинъ С. Е. Анченкову, Козьма Мокроусовъ, вчера доставилъ въ Редакцію собственноручную записку, въ которой просить напечатать благодарность его г-ну Полякову за значительное облегчение припадковъ падучей болѣзни, полученное имъ въ теченіе $4\frac{1}{2}$ недѣль пользованія животнымъ магнитизмомъ.

ЧАСТИНЫ ФЕЛЬЯВЛЕНІЯ.

1) 8-го и 10-го мая, въ 11 часахъ утра, со публичнаго торга производиться будетъ (въ квартирѣ надзирателя, въ главномъ корпусѣ ветеринарного училища) продажа разного рода имущества, принадлежащаго вдовѣ Софії Ганзіерѣ. [174]—1.

2) На Сумской улицѣ, противъ театра, продается мебель со всімъ верхнімъ этажемъ, у вдовы купца Долгополова, по єходной ценѣ; видѣть мебель можно во всякое время днѧ.

(130).

3) Продается усадебное място въ концѣ Нѣмецкой улицы, длиною и шириной по 30 саж. О ценѣ узнать отъ г-на Каллуновского, въ собственномъ его домѣ, на Нѣмецкой улицѣ.

(125)—5.

Печатать позволится: Пенсorъ А. Зернинъ.

4) НОВАГО ПРИВОЗА

ИЗЪ МОСКВЫ

КАХТИНСКІЕ

ЧАИ

МОСКОВСКАГО КУПЦА

И. И. КОРЕЩЕНКО

поступили въ оптовую и розничную продажу

по пониженнымъ цѣнамъ

въ собственномъ его магазинѣ

подъ фірмою:

КИТАЙ

Вместѣ со транспортомъ чаевъ въ этомъ магазинѣ получены также ИЗЪ МОСКВЫ въ большомъ количествѣ

СТЕАРИНОВЫЯ СВѢЧИ

КАЛЛЕТОВСКІЯ И СОЛНЕЧНАЯ-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ.

Продажа оптомъ и въ розницу по весьма УМѢРЕННЫМЪ Цѣнамъ.

Магазинъ находится на Николаевской площади, гдѣ гостиница «ХАРЬКОВЪ», подъ № 1-мъ. (400)—1.

Редакторъ **М. Щитовъ**.